

ТАТЬЯНА СОВЕЩАНСКАЯ

* * *

Я каждый раз переставляю стрелки,
Когда вхожу в отцовский старый дом,
Где глаз чужой не видит переделки,
Как рыба — небо под январским льдом.
Скрипят полы натруженно, как раньше,
Но нет сверчка, что часто песни пел.
Здесь время спит, а бодрствует шарманщик
Из детской книжки.
О, как много дел
Меня зовут —
Повесить занавески,
Открыть окно в зелёную метель,
Сходить к соседке — ей общаться не с кем
С тех пор, как дочь уехала в Марсель.
Судить не мне.
Ведь я сама такая,
Хоть город мой поближе.
Суть не в том.
Давно отбилась я от общей стаи.
Мне здесь, в деревне,
Дорог только дом.
Конечно, — плохо, больно и досадно.
Но, видно, так судьбою решено...
А на крыльце сидит птенец нескладный.
Чего он просит —
Муху иль зерно?

* * *

Расслабиться и долго-долго спать
В тени дубрав, дышащих сладкой негой,
Проснуться и, направив годы вспять,
Младенцем ощутить себя, побегом,
Который лишь подрёмывает всласть
В тепле живородящей колыбели,
Не знает ни тревог, ни — где упасть,
Соломки подстелив, и еле-еле
Проклюнувшись, увидит милый дом,
Весну-красну, а позже — встретит лето
И осень в одеянье золотом.
Она пока с улыбкой бродит где-то —
В краях, что так богаты и добры
Ко всем пришедшим — бодрым и усталым,
Где каждому достанутся дары:
Картошка, хлеб, вино и даже сало...

.....
Как сладко верить в то, что мир живёт
По старым, ненаписанным законам:
У каждого — падение и взлёт,
Для каждого — своя, родная, корона.

*г. Мытищи
Московской обл.*

СЕРГЕЙ ШИЛКИН

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОСЕНЬ

Дует с Балтики ветер — весёлый шалун, озорник.
Лета бабьего пик. Благодатная, в целом, погода.
Нарастающий гул в сердце страхом ещё не проник.
Это осень далёкого нам 41-го года.

Фюзеляжи в крестах. В вое бомб слышен демона глас.
Полыхают склады. Старых крыш шифер бахает в небо.
По асфальту горячей рекой карамель растеклась.
К небесам едкий дым тянет руки горящего хлеба.

Страшный враг подступил — он коварен, жесток и хитёр.
Окна в белых крестах и на стенах с призывом плакаты.
Призрак голода к городу Ленина кости простёр.
Метроном отмеряет защитникам муки блокады.

Дети тянут тележку с бедою на Невском юру.
Страшно жить им теперь без тепла и родительской холи.
Жутко зев свой разверзла земля в Пискаревском яру,
В немоте ледяющей застыв от бессилья и боли.

Смертью город зажат мёртвой хваткой морского узла.
Вместо хлеба вонючий эрзац получая к обеду,
С глада падают ниц, но встают и, не ведая зла,
Люди истово Крест свой несут, свято веря в Победу.

г. Салават, Башкортостан

АЛЕКСЕЙ ГУШАН

* * *

В Присвирье предзимье сурово.
Безвьюжный кончается срок.
Стихает осеннее слово,
Слетает последний листок.

Людское тепло выдувая
Из полузабытых домов,
Ветра над деревней летают
И стонут меж чёрных стволов.

И, кажется, всё опустело,
И жизни здесь, кажется, нет.
Но утренним светом несмелым
Умоет просторы, и белый
Вдруг чей-то мелькнёт силуэт.

Живой человек?! Неужели?
В такой бесконечной глуши,
Где сосны, берёзы и ели,
Есть место для этой души?!

Знать, дело какое-то держит
Её в молчаливом краю.
И жизнь одинокая брезжит,
И тянется к новому дню.

Ветра и студёные вьюги,
Молю, отложите свой срок.
Пусть в этой пустынной округе
Горит хоть один огонёк.

Моей захолустной отчизны,
Прошу, не сметайте следы.
Мне эти осевшие избы,
Мне эти дороги нужны!

И эти родные могилы,
И эти простые кресты...
Деревня, дай Бог тебе силы
Дожить до далёкой весны!

НА ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Весенний свет, густой и золочёный,
По всей округе разливает мёд.
Сегодня день особенный — Прощёный,
И оттого душа моя поёт.

Собрав с утра простое угощенье,
Иду себе, улыбчив и открыт,
Испрашивать у ближнего прощенья.
— Прости меня!
— Господь тебя простит.

И ты прости!
— И я, и я прощаю!
— Садись скорей. Обед уже готов.
Сажусь тихонько, сердцем ощущая,
Что полон мир друзей, а не врагов.

Любуюсь жизнью, как новорождённый,
Я образ Божий в каждом узнаю.
Как хорошо прощать и быть прощённым.
Наверно, так же хорошо в Раю!

*пос. Малаховка
Московской обл.*

СВЕТЛАНА СУПРУНОВА

* * *

Справа речка, а слева опушка,
А грибов-то — под каждым кустом,
Деревянная мокнет церквушка
Под холодным осенним дождём.

Скрипнет дверь, запоют половицы,
И ни певчих, ни благостных лиц,
На стенах из журнала страницы,
И святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин,
Позолота нигде не блеснёт,
И в поношенной рясе хозяин
В одиночестве службу ведёт.

Спозаранку молебен читает
За страну и за завтрашний день,
Уж не крестит, а всё отпевает
Поколенья глухих деревень.

Всё едино — дожди, завируха,
Эту древнюю дверь отопрёт,
Приблудится, бывает, старуха,
И свечу, как на память, зажжёт.

Столько света в приюте убогом,
Что, теряясь, почти не дыша,
Прослезится от близости с Богом
Непутёвая чья-то душа.

г. Калининград

ГЕОРГИЙ МЕДВЕДЕВ

* * *

Памяти Валентина Распутина

Стою на берегу большой реки,
Стою на берегу судьбы народной...
Не унывай! Теки, река, теки
В своей спокойной силе полноводной.

Звенела даль, пылала голова
В налитых стеблей трав густом настое,
И обретали все свои права —
Река и лес, и поле предо мною.

И ни уйти, ни скрыться не могу:
Мы все — одно, как рой в пчелином улье...
Толпа берёз застыла на бегу
На берегу палящего июля.

Я уплывал один в извивы рек,
Я уходил в некошеное поле,
И мне сполна была дана навек
Моя страна, моя земля и воля.

Я взглядом обнимал твои поля,
Твою ширью полн, твоё печалью,
И стены Новгородского кремля
Незримо поднимались за плечами.

И снова я, как мальчик, убегу
В глухую ширь, к родному пепелищу,
И буду спать в неубранном стогу
Иль в шалаше найду себе жилище.

И вновь взгляну на светлую зарю,
На облаков раскинутые перья,
И через двести лет я повторю:
В Россию можно — то есть должно — верить.

Не бойся, Волхов, я не убегу,
Не бойтесь, Днепр, и Дон, и Мста, и Волга!
И я стою на вашем берегу,
И вашей влагой песнь моя наволгла.

И берег этот я уберегу!
На берегу стою, на берегу!

г. Санкт-Петербург

АЛЕКСАНДР КЛИНДУХОВ

* * *

Геннадию Поникаровскому

Окна с видом на Юг, на реку, занесённую снегом,
И красивее юга любого она во сто крат!
В полушубок укутанный, греюсь, а, слившийся с небом,
В белоснежных лугах догорает морозный закат.

Как приятно мне всё: и снега розоватого тона,
И излучина Юга, и дом этот крепкий, простой,
И селенье, и церковь внизу... и хозяева дома,
Что пустили меня в этот вечер к себе на постой.

г. Киров

ГЕННАДИЙ МАЛЕЕВ

АНТИКИЛЛЕР

Я тебя, олигарх, не убил, потому что
было весело вам, но и нам ведь не скучно:

о картошке забота была и о луке,
надо было семью приготовить к разлуке.

Я тебя не убил в этот час потому,
что пацан на пруду закричал: “Потону!”.

В час другой потому я тебя не убил,
что живейшей душе на лекарства “бомбил”.

То спешил я туда, то стремился сюда...
А убить, мне казалось,
успею всегда.

Чтоб тебя, олигарх, среди прочих найти,
сколько ж славных убийц встретил я на пути!

Не умевших стрелять, отравлять и душить,
но умевших друг друга любить от души!

Я тебя не убил и уже не убью —
потому, что ты — брат шакалью, воронью,

потому что дрожишь за навар, за товар,
и тебя охраняет дрожащая тварь.

И за то, что, бросая страну на распил,
ты меня — вот такого — во мне не убил.

г. Тула

ОЛЬГА ВОСКРЕСЕНСКАЯ

РУССКАЯ ПЕСНЯ

“Что ж ты, сударь мой...”
Вот и стало в моей горнице темно...
Но поёт-жужжит моё веретено;
На окне моём — лазоревый цветок,
За окном моим — по миру сто дорог...
Ах ты, сударь мой!
Ах ты, сударь мой!

Где ты, милый, нынче скачешь на коне?
И доедешь ли когда-нибудь ко мне?
Я всё в горенке гляжу в своё окно:
О тебе, мой милый, думаю одним...
Где ж ты, сударь мой?
Где ж ты, сударь мой?

Веретенце моё быстрое кружит,
О тебе моё сердечко всё болит...
Завтра утром в мою горницу войдут —
В церковь Божию венчаться поведут...
Вот как, сударь мой...
Вот как, сударь мой...

А жених-то и корявый, и рябой!
Не сравнится с ясным соколом — с тобой!
И лицом, и станом, милый, ты хорош!

На всём свете тебя лучше не найдёшь...
Ох уж, сударь мой!
Ох уж, сударь мой!

“Аллилуйя!” будет хор церковный петь...
Будет муж немилый ласково глядеть...
С колоколенки весёлый будет звон...
Поздравлять меня пойдут со всех сторон...
Эх ты, сударь мой...
Эх ты, сударь мой...

Ты прискачешь на ретивом на коне,
Подбежишь ты, добрый молодец, ко мне:
“Здравствуй, девица! Ты рученьку мне дай:
Мы с тобой сейчас уедем в дальний край!”
Вот он — сударь мой!
Вот он — сударь мой!

“Видно, конь твой по пути совсем устал:
Что ж ты, милый мой, на встречу опоздал?
Долго в горнице сидела я одна!
А теперь я стала мужняя жена!
Что ж ты, сударь мой...
Что ж ты, сударь мой...”

г. Москва

ВАСИЛИЙ МИШЕНЁВ

* * *

Поживает на земле мужичок,
Молча курит мужичок табачок.
— Угости-ка ты меня, чудачок,
И покурим мы с тобой, землячок.

Начинает разговор он “про жизнь”:
— Подхалимов и лжецов берегись,
С богатеющим ворьём не вяжись,
А за совесть и народ свой держись.

И спросил я у него: — Где народ?
Тот, что водку на последние пьёт?
Что не ведает, куда он идёт,
И не думает, зачем он живёт?

Встрепенулся мужичок: — Как ты скор!
Можно много нам поставить в укор,
Но за поясом мы носим топор,
И на этом прекратим разговор...

Озадачил ты меня, мужичок,
Очень крепкий у тебя табачок.

*г. Никольск
Вологодской обл.*

ЛАДА ПОСТОЕВА

* * *

О, странный, горьковатый вкус беды!
Его не ждёшь, но остро ощущаешь,
Как тон чужого голоса, как стук
Входных дверей в незапертой прихожей
(Вот так сквозит враждебное пространство,
Где гаснет звук и холодно шагам),
Как плеск воды прорвавшейся трубы,
Предательски залившей пианино,
Да скрежет старой мебели, что спешно
Пришлось отодвигать. И запах пыли.
Он проникает в лёгкие и в мозг —
И раздирает душу вместе с мыслью,
Что с этого внезапного мгновенья
Наш мир не будет прежним никогда!

Я помню горьковатый вкус беды:
Как провожали бабушку Марию,
И ждали в дом священника, волнуясь,
И сдвинули кровать, освобождая
Пространство для обряда и молитв.
А дверь в подъезд опять была открыта,
И дул сквозняк, и гости суетились,
И точно так же в воздухе носились
Пылинки с потревоженных вещей.
И время истекало, словно жидкость
Из лопнувшей трубы, куда-то в вечность...
А бабушки певучая душа
Умолкла, точно треснувшая дека
Большого пианино у стены...

О, запах разрушения и хаос!
О, странно-горьковатый вкус беды...
Сквозящее, оглохшее пространство,
Где гаснет звук и холодно шагам...
И лишь часы отчётливо чеканят
(Отсчитывая время безучастно),
Что этот мир уже не будет прежним,
Что мир не будет прежним никогда...

г. Москва

ВИКТОР МЕЛЬНИКОВ

СТАРИК СМОТРЕЛ СОВЕТСКОЕ КИНО

Старик смотрел советское кино.
И убегала линия сюжета
В его весну, в наивные рассветы.
Он видел: колосилось рожью лето,
Казалось бы — ушедшее давно...

И лентой мчались годы перед ним
Далёкие... И сполохи сирени,
Друзей, подружек дорогие тени
Вернули те заветные мгновенья —
Прозрачных майских парков вешний дым!

Та девушка... И не её вина,
Что с ним была стеснительно сурова,
Что не успел сказать святое слово.
Настанет день — она приснится снова...
Но их любовь похитила война.

И видится ему который год:
Закрит дождями перелесок дальний.
В окне встаёт понуро день печальный.
Над Родиной его многострадальной
Седой туман из-за морей плывёт.

И пусть хапугам нынешним смешно:
“Всего-то и делов — медаль “За Прагу”!
Он целым миром понят и оправдан.
Он знает эту горькую отраду:
Смотреть почти забытое кино.

РУССКИЙ КРЕСТ

Вдали от струящихся рек, перелесиц
Нашёл себе русский последний приют:
Над каждой могилой вокруг — полумесяц,
И душною ночью цикады поют.

Здесь птица незна́мая крикнет спросонок,
Как будто душа кому знак подаёт.
Здесь русский наш крест — невесом он и тонок —
Свечой восковой у ограды встаёт.

Под белым крылом у холодной метели,
От русского отчего дома вдали,
У старой немецкой заснеженной ели
Меж серых надгробий кресты проросли.

Лишь травы чужие склоняются низко.
Здесь друг не положит на холмик цветка.
Ушедшей душе — что́ кресты, обелиски, —
Ей даже полынь — да и та не горька!

г. Коломна

ЕКАТЕРИНА КОРНЕЕНКОВА

ШАРФ

Она не любила метро,
Она обожала трамваи.
Она говорила не то,
Чего от неё ожидали.

Ходила в коротком плаще,
Не длила ненужные споры,
И шарф не носила вообще —
Боялась судьбы Айседоры.

Он был, как Есенин, курчав
И не был обижен талантом.
Так вышло, что шёлковый шарф
Он ей повязал элегантно.

Края собирая узлом,
Случайно притронулся к коже.
В тот миг он не думал о том,
Что узел распутать не сможет.

Завязанный им узелок
У маленькой ямки под шеей
Красиво и правильно лёг
И стал от тоски панацеей.

НЕ МОЛИТВА

Откуда злоба такая, Боже?
Стремясь к мечте, лезу вон из кожи,
Но кто-то снова вонзает ножик
Мне под лопатку.

Откуда злоба такая, Боже?
Она подобна тяжёлой ноше.
Ну почему моя жизнь похожа
Опять на схватку?

Не ропот это, а крик души мой!
Да, не была я непогрешимой!
Но ты меня отогрей и вымой:
Я — твоё чадо!

В ответ — молчанье, и небо серо...
Но от палаты психдиспансера
Оберегает пока что вера...
В людей, что рядом!

г. Москва

ЕКАТЕРИНА ГРАЧЁВА

* * *

Мне хочется в твоё тепло закутаться
И никогда не вылезать на свет,
Мне хочется в душе твоей запутаться,
Сплестись корнями в сотню зим и лет,
И раствориться в воздухе порывами,
И расплескаться в глубине ночной,
Врасти друг в другу душами и спинами,
И неразлучно быть всегда с тобой...

Томись, душа, томление оправдано,
Молись, душа, и пой свою свирель,
Да сколько времени у нас украдено,
Достаточно, мне на слово поверь!

Давай немедленно друг в друге спрячемся,
Чтоб ни секунды больше не терять,
Укроемся друг другом, обозначимся
И будем, как молитву, повторять:

“Спаси и сохрани тебя, любимая,
Спаси и сохрани, любимый мой”,
Чтоб навсегда и душами, и спинами
Мы в этой осени срослись с тобой!

* * *

Бело-жёлтые отблески лунности летней,
Словно розовым кремом закаты покрыты,
И рассветы закатов намного заметней,
И от солнца лучи в синем небе размыты!

Соловьиная трель непрерывна ночами,
Звёзды дремлют, но где же мой сон вожделенный?
Жадно впившись в небесное лоно очами,
Я сижу, размышляю о тайнах вселенной!

Наша лодка плывёт по извилистым склонам,
То в течение впадая, то медленным ходом,
То, что было оранжевым, стало зелёным
И покроется белым почти мимоходом...

Но ведь каждый живёт, чтоб увидеть и ахнуть,
Красота невозможная, слов не хватает,
И так хочется всё это цапнуть и хапнуть,
В подсознание своёю красоту собирая!

Вот и замерла лодка, вдали под луною,
Вся покрытая будто алмазным свеченьем,
На воде проступает дорога с луною,
Словно в сказке волшебной, как будто виденье!

Но ведь трель соловья, как и листья в зелёном,
Как и дни, что порой превращаются в ночи —
Всё конечно, и только, кто очень влюблённый,
Продолжение видеть в законченном хочет...

г. Москва